

А. Л. Реханс

ТЕТРАДЬ

Коротко о своей
жизни.

ученик

класса

школы

Середина марта
1982 г.

Только для детей и внуков

Первое, что я помню, большую комнату с окнами на крытую галерею, ведущую в большой двор, на втором этаже. Там жили я с мамой и папой и маленький брат - Рафа. Было мне тогда лет пять.

Мама - Елизавета Теодоровна (дочь Теодоровна Анисимовна - по метрикам) род. 1893г.

Папа - Лев Натанович Рекелов (по метрикам - Лейба Киселевич) род. в Одессе, как пишут в 1885г.

Мама - хозяйничала по дому, хорошо знала. Папа - работал гравером - шотландцем в табачной фабрике, в г. Бату.

Родился я в Бату, 11 октября 1910г.

И мне, как было записано в метрическом свидетельстве, выданном духовным раввином города, "после обряда обрезания, 14 октября, было наречено имя Арнольд".

Мама и особенно мама были моими верными друзьями, хотя папа в синагогу почти не

когда не ходил.

В Баку жили родители мамы: Пётр Меерович, часовщик и бабушка мама - Софья Лазаревна - в прошлом портновница.

Мама в школе не училась, но товарищи ее младшего брата Исаа, научили ее читать, писать и считать, что позволило ей к 16 годам сдать экзамены на звание "аптекарьской ученицы". Однако самообразованием она занималась постоянно и я знаю ее как отличную грамотницу и хорошо образованную женщину. Это подтвердилось ее дальнейшей трудовой деятельностью.

Мама тоже не получила систематического образования. Училась самостоятельно и в кругу творческой интеллигенции начала 20-е годы была за райком и уполномоченная. Самураком он учил и основы музыкальной теории, что позволило ему быть даже дирижером в музыкальных театрах.

Вегетарианца мама играла (по слуху и извещению) на рояле) в некоем кино.

Летом 1952. мы переехали в более благоустроенную квартиру на Татарской ул. д. 84. Папу в армию не брали т.к. он был на один шаг сменен. Это не мешало ему быть лучшим в городе гравером-художником многоцветной печати.

В новой квартире родился и мой младший брат - Марк (6 V 1917). Мама очень хотела девочку и очень долго одевала его как девочку и звала Марусей.

1ое мая 1917г. рабочие табачной фабрики вышли на демонстрацию, Папа был рабочим активистом и шел в голове колонны, а впереди ее, как я ясно помню, шли мы с братом. Рабочие несли в руках крапиво флажки на которых была вышита белыми буквами надпись "Юные граждане вперед!"

Детали этого времени не помню. В память времения две националистические резни.

Осенью-армяне резали азербайджанцев, всех подряд женщин, детей, вплоть до грудных, стариков и старух. Аналогичная бойня была весной следующего года. Азербайджанцы (мусульмане) - вырезали

армян (христиан).

Медного было время Бакинской Коммуны с коммунистическим правительством республики. Меншевики, эсеры, ставшие с мусавистами (азербайджанские националисты), выпустили турецкие войска. Жизнь в Баку для революционно настроенных как мои родители, стала невыносимой.

Папа решил уехать в Россию. Как это было — не помню, но всей семьей мы оказались в Волжском городе Волжье. Жили там несколько месяцев. Вокруг Белогвардейщины. А в семье трое детей. Стали прибавляться к Красным.

Пока доехали, по Волге, до Калмычки, на нашу баржу дважды останавливали и грабили разные банды.

В Калмычье, по званию то доктору, отца арестовали. В месте заключения он заболел сыпным тифом. К счастью доктор был легко отменен, а отца положили в больницу. Мы все жили на Волжской пристани. Там было тепло.

Как только отца выписали из больницы мы поплыли дальше, до Астрахани. Опять жили

на пристани. Однако никакой пассажирской связи с мусаватскими Баку не было. Жить было не на что. Кто-то продав, на грузовом судне добрался до Крайноводска. Он был оккупирован англичанами.

Снова жизнь на пристани. В Крайноводске собралось таких как мы сотни семей. В Баку был хоть какой-то дом, родные, знакомые и для отца нашего бы работа. Но как попасть в Баку.

Нашлись энергичные организаторы и купили в Сумгаиту деревянную баржу, ветхую и непригодную к грузовым перевозкам. Морехи утверждали, что в спокойную погоду она до Баку дойдет. Выбора не было. Или плыть в Баку — или голодная смерть.

Нашли буксирный баркас, который взяли затопить баржу, ее название пошло — «Норик», до выгрузки из Баку.

Судьбы мы были в море. Разыгралась непогода. Мы были уже вблизи от острова Наргин, замыкающего Бакинскую бухту. Баркас нас бросил, а с баржи сбросили якоря. Мужики все время восклицали ругательными словами, воду из трюма «Норика».

~~На~~ Неподалеку на якорь стояла железная нефтеналивная баржа «Морена». Ее с якоря сорвало,

Она, неуправляемая, покосилась по волнам и стукнула своим носом, нашу маленькую деревянную посуду. "Норна" стала активно набирать воду. К счастью ветер стих, но носом и ведром с затопленной бочки справиться было невозможно. Крик стоял на борту и сейчас звучит в моих ушах.

Путь к барже подошел боковой пассажирский пароход из Баку, (полно и его название - "Архангельск" и взял всех на свой борт. Отпустил кильма в сторону и на моих (наших) глазах "Норна" ушла под воду.

Нас привезли к Баку и после осмотра выпустили в город. Жилость была мусаватского правительства, а в городе стояли гарнизон английских войск во главе с полковником Тиз Джонсом. Здесь английских войск были герцоги.

Мы масовски бегали к иностранному складу (у них было много лошадей) и они нас ~~на~~ угощали свежими гербовыми рожками, сладкими, которых кормили лошадей. Мы их называли - "стрелки".

В Баку в городе было относительно порядок.

Но уминая модифицировали патроны "бобскауты" и "гёрскауты", в красивой форме и с носками под мышкой.

Для нас, босых ребят, это было кетерничество, но драк с ними мы затевать боялись. Жили же мы не в рабочем район. Жили трудно, но в своей квартире. Дедушка-гасовицак работал в растворе на базаре и там же все как то питался.

28 апреля 1920г. рано утром мы проснулись, после тихой и спокойной ночи, а по улицам шли Красноваршавцы II Армии, ~~тогда~~ (с С. В. Кировым и О. Орджоникидзе). Так, в городе без боя, была установлена Советская власть. Муравьевское правительство и его пособники арестованы. Англичане без боя, срочно отступили к Баку.

С первых дней папа был приглашен в Наркомпрос Азербайджана и был назначен главным редактором и руководителем Госиздательского при Азербайджанской Наркомпроса Республики. Под его редакцией вышли две большие серии фрес для музыкальных учебных заведений (для I и II ступеней).

В те годы каждая республика имела свои деньги. Счет велся на сотни тысяч, миллионы и

были банкноты ценю в 5 миллиардов рублей. Папа, как гравер-многогр высокок квалификации, работал в "Экспедиции Государственных бумаг" делал гравировки этих дензнаков. За это получал хорошие дополнительные паёк.

Стал одним из первых членом профсоюза работников искусств "Рабис".

Но наше относительное благополучие было недолгим. Он тяжело заболел. У него обнаружили злокачественную, межреберную опухоль — саркому. Мне шел Офицерский год.

Лучшие хирурги делали папе операцию в правительственной больнице. Однако метастазы остались. Надо было делать еще операцию и вырезать часть легкого. Такую операцию могли сделать в Берлине. Но консулскими каналами согласие из Германии на операцию получили.

Наркомпрос выделил средства, выдав документы. Тут бы было только один-герц Констатинополь.

Вот тогда-то, в 1921г. выехали папа и ~~сестра~~ сопровождающая его мама. В Константинополе их пришлось задерживать т.к. визы для въезда в Германию не, вопреки обе-

шанию, не давал.

Папу и маму материально поддерживали работники Советского торгпредства в Константинополе, тогда бывшем столице Турции.

Папа уже был совсем кедвишим. Поддерживали ее гостями ужомали кукотников и делали саксы обидежные радием. Каложе было и везти домом. Так папа и умер в Константинополе в 1922. а маме, молодой вдова вернулась домой. (Ее тогда был 30-й год. Папа умер не дожив 38 лет).

В Баку мы жили с бабушкой. Мамин папа - дедушка Медер - умер в 1920. не дожив до прихода гаетей Красной Армии. Но в Баку приехал дедушка Миша (папик). Он был прекрасным токарь и кемного как материально поддерживал, но мы все равно жили с бабушкой впроголодь, продавал все что у нас могло купить, а бабушка делала папирасы.

Учился до школы II ступени не сибирятинского. В 1918. учил киевской гитат, сгитати и дате тилеат, (научил маму) один год учился в I классе гаетской, начальной гимназии. Один год - в школе I ступени, но

главного образа - у мамы и студентов-товарищей моего младшего зятя Илая (машиного брата).

В 1933г. решил сдать экзамены (т.к. документы об окончании школы I ст. не имел), в школу II ст. приняли мене не сразу т.к. систематических знаний у мене не было. Направили в школу №3 им. Коминтерна. Эта школа II ст. как и впрочем другие, была преобразованной из бывшей женской гимназии и я с товарищами-малышками, были первыми полутьрадевелками ребят на почти 300 девчат. В старших группах были уже всевозрастные девушки. В доме где была школа - трехэтажное здание реки с оперным театром, в 3 смены занималось 8 школ II ступени.

На все школы была одна комсомольская ячейка. В нашей школе, в лучшие времена было три комсомольца. Комсорг был членом президиума с правом решающего голоса. А в президиуме не было ни одного ни коммуниста ни комсомольца.

Мои младшие братья Рафа и Мада уже учились в школе I ст (в другой школе) с 1 группы.

Брат мамы - дядя Лена, работал кассиром в оперном театре, был большим общественником и записал братьев - Маду - в октябрата, а Рафу - в пионеры.

пионерского коллектива "Радис". Пионерские отряды тогда создавались только по крупным предприятиям, работили коллективами, и никогда при школах. Ведь там не было рабочего комсомольского коллектива. Я записывалась в пионеры стесняясь. Но все-таки в конце 1929г. в пионеры вступила и в горестные дни похороны Ленина, в редяхинском, прощались с Лениным держал пионерский салют.

Одновременно с школой и даже на много раньше, занималась на фортепиано (бесплатно) у друга детства папы Анны Александровны Александровой, - профессора ^{Азербайджанской} Консерватории, а после ее смерти у ^{художественной} ~~художественной~~ ^{художественной} (было такое звание у закончивших консерваторский курс) Туревича и Тилеуковой.

Уже в школе занималась общественной работой как в пионерском коллективе (дружбе по комсомольцу), потом - в комсомольской организации ВЛКСМ, а равно и в школе.

В школе: создавала, руководила (и аккомпанировала) "живой газете" (два года), создавала и выступала с уренгеевским студентским квартетом (Эскрипки и виолончели). Партитуры писала сам.

С 1931г. с другом одноклассником, потом - хорошим художником занималась в единственной секции спортивной гимнастики для детей, при бывшем спортивном обществе "Сокол", а позже в гимнастической секции Азерб. "Динамо".

Комши прекером быи Л.Х. Кара-Мурза, один из победителей в всесоюзном слете "Сokolov" в Тресе.

Это привело к тому, что я позже стал судьей по гимнастике (республиканской категории), аккомпаниатором гимнастике в Ин-те физкультуры, сборных по гимнастике Азербайджана, выездных групп на всесоюзные в Москву и т.д. Выступал и сам как гимнаст на окружных соревнованиях РКВ в Тбилиси.

По давней традиции не порывал с гимнастикой и до сих пор.

В конце 1925г. пионерская организация, где я уже стал помощником вожатого базы - Влода Веларишского, мне передала в комиссию. Были раньше такой комиссии. Рекомендовали мне в комиссию: Ханаффи Теремидзе, наш поэт-пионер, пред. Совета пионервожатых, член РКП(б) с 1903г., Владимир Пасторацкий, патрон со служивец и товарищ по рабочему движению, тоже левый - коммунист-подполковник, член Партии с 1912г. и Горсовет пионерской организации.

Приняли меня, как тогда следовало по уставу, не как "работного от оттока" - в кандидаты ВКЛС, с 10-дневным стажем. Так начался мой комсомольский путь (15 лет).

Учился в школе, с одноклассником Борисом Рыбаком (а он тогда работал ~~разнорабочим~~ рассыльным (в 1^ю смену), а во 2^ю смену, как и я - учился в школе №3). Ночами работали за плату, как переписчики бухгалтерских дел, в разных учреждениях, на пристанях - на ремонте тарных ящиков. Без этого мы не могли даже купить себе школьные принадлежности и нужные книги.

Как правило большинство из моих товарищей - свидетелей войны перешитое из старых одежды или донашивали подаренные взрослыми. (Солдатские ботинки с обмотками и т.п.)

Когда Борис Рыбак перешел на работу (вместо В. Аста) в лабораторию картонно-переломного завода в Белом городе, он потянул в рабочий клуб им. Шауряна и вовлек в активное участие в художественной самодеятельности. Там я стал членом районной "Живой газеты" возглавляемой братьями Толмаджевыми. (Старшим - Илья, справившим большую долю в моей жизни, погиб в От. Вост. - младшим - позже был отним из секретарей Бюро Горного Кнесс), позже - членом музыкального клуба им. Шауряна где был хорошим народным театром и даже любительским симфоническим оркестром.

Окончив школу в 1928г. работал как музыкантом

инструктор (одна и с отнесением) в кинематограф, за что получил теоретический сертификат "Арт-театр". До приезда в Армянскую работу: заведующий в Дворце культуры им. Шахматова, в Парке культуры и отдыха им. "Юте-Гале", в Закавказском гидропарке КЧО.

По окончании поездки в Москву на индивидуальное знакомство с работами Парка культуры, приглашен отсюда на летний сезон опытных мастеров.

Дел было так много, так часто откладывалось, что хроническое заболевание при посещении записок мне оказывалось невозможным.

1928 и 1929 г. я провёл в Петербурге, Угличском округе Угличской области, где по протекции дяди Исаа, жившего и работавшего в Свердловске, был сначала практикантом а потом и заведующим кинематографического свёрла (с небольшой обрабатывающей мастерской). Со мной были и брат Вадя. С ними мы жили на мою небольшую зарплату, Исаак маме нас бы не прокормил. Вездё ещё были младшим брат-Мара и бабушка, а маме нужна была высокая квалификация и поиграла мало.

Беспринципность в работе, смерть дяди и др. привели нас к возвращению в Баку, где я стал работать (о чём писал выше), а Вадя стал угличским

Электрика в Открытом театре.

Пребывание на Урале, в сложные годы жизни страны, очень активизировало, тогда многочисленные организации Комсомола. Был громадный опыт многое и очень много и с чувством большой ответственности. И там мне помогла музуска. О друзьях писала - очень много и долго.

Вспоминаю об этих годах с чувством большой удовлетворенности.

В 1932. приехал мне пора служить в РККА. Призвали меня из Азерб. Сов. прода, где я выполнял сроки призыва как инструктор Кривотозова, и занимался сопровождением поездов иностранных туристов по городу. Тогда мне впервые связались с органами НКВД.

В 1930 г. по ходатайству Фабрично-Заводского филиала ВКММ мне предложили на рабочие курсы по подготовке в Консерваторию, откуда досрочно зачислили на I курс теоретико-дирижерского отделения к проф. Бретанишскому (и др.)

Учеба в Консерватории не давала отсрочки, да и я ее не хотел. Серьезный то надо было мне всего один год. Тогда призывники с полным средним или высшим образованием служили в армии только один год.

Итак, я был призван в Консерваторию и отправлен

в г.р. Ленинакан, 65 кавполк, 2^я Кавдивизия. Это командование представлено ближайшим соратником Буденного - Вас. Цв. Книга.

Там же заглянул во взвод однополковников при полковом школе, откуда вступили через год, после сдачи серьезных экзаменов, командиром отдельного взвода стратегической конницы (конечно запаса) Но не демобилизовали.

Во время пребывания в Кавполку стал замечать в Куд. самостоятельности (с утрачиванием ее просто крупно поведи) а выступая на Окружном смотре (представлял 2^ю дивизию), с товарищами занял 2^е место (уступив 1^е Кавказской дивизии), а лично, в числе единиц, получил лично грамоту и благодарность Командующего войсками округа.

Вот это мне и позволило стать демобилизованным. Мне задержали в кадровых войсках и после долгих обсуждений, с моего согласия, направили в Баку в Бак. Некотные училища, для наработки и увеличения текучки (клар на правах дк с рядом хозяйственных служб как типография, фотография, печатная мастерская и др.)

Позже стал Нар. клуб и был ич до XI-1937г.

Служба в БТИш проходила довольно успешно. Несмотря на относительно молодость, а я был моложе всех моих подчиненных, удавалось сдать много нового и интересного, заслужить ряд высоких наград (не орденов) и поощрений не только от командования углями, но и Н-ка Управления военных учебных заведений, командовал Захво

В конце 1936 (или в начале 1937) был вызван в Москву на месячные сборы-совещание культпросвет. работников РККА. нас было 30 человек из различных округов и от различных родов войск. Сборы эти проходили при Военно-политической Академии РККА им. Ленина и были очень интересными и полезными. Но особенно запомнилась встреча с Надеждой Константиновной Крупской. Она пригласила всех нас в свой кабинет в Наркомпросе (она тогда была зам. Наркома). В интересной беседе, с ее активным участием, без заранее оговоренной тематики и конечно без записанных конспектов, казалось бы прошли 3 часа 15 минут.

Поразила ее доброта, скромность и большой ум. По возвращении в Баку 20 марта 1937. я зарешился развал свой брак с Леной Тахуниевой, работницей военно-книжного магазина Издкитаба. Теперь в моей комнате военведовского дома стала двое.

Прошло несколько месяцев и началась трудная
полоса жизни. К этому времени "этовщина" с ее
борьбе с врагами народа достигла апогея.

Все, сколько ни будь хорошие работники не только
в гражданских организациях, но и в армии, особенно
старые коммунисты-ленинцы арестовывались и
исчезали, а семьи изгонялись прямо на улицу, или
выселялись неизвестно куда.

Дошли очередь и до меня.

До 1936г. после последней встречи Партии, пришла в
Партию небыло. Я, член Бюро Комсомольской организа-
ции, управлялся училища уже ходил в переростках.
Когда возобновили прием в Партию подаю заявление
в Комитет Комсомола с просьбой дать мне, (как по-
ложено по уставу) рекомендацию. Когда же пришел
на бюро узнал, что слушается мое пересказанное
дело по какому-то заявлению, об скрытии своего
происхождения (отец то мой был крупный капита-
лист). Это мне еще мне приписали, я и не знал,
но решение было - из Комсомола исключить.

Несмотря на то, что за 2 недели до этого
мне объявили оговоренную аттестацию, утвержденную
Политуправлением Округа, где было записано: "долж-

марте 1938г. мне вызвали на заседание (всездное) Окружной Парткомиссии. Там мне спросили: знаешь ли я за это лето неслишком ли из комсомола и дали прогнать решение обо мне. Каким только самыми маленькими и страшными обвинениями казало.

И неизвестно какими путем я попал в комсомольский билет; и это я сын крупного капиталиста, ударника и сейчас живущего за границей; был тесно связан с врагами народа, с перебежчиками некоторых стран; и то это я разносторонне среди курсантов троцкистскую литературу и б.п.

Как только мне не посадили. Не уехали видно. Доказать вздорность всего мне приписываемого было не трудно. Окружной Парткомиссией я был полностью реабилитирован и в комсомол восстановлен.

Можно было понять мое обиженное состояние и я попросил считать меня, как переросла и по собственному желанию из комсомола вышедшего. (В то время в комсомол состояли только до 27 лет, а мне шел 28^й).

Однако летом того же года, когда я шел по улице, мне догнала машина и вышедший из нее пред.

Окружной Парткомиссией т. Шкаруна спросил: полу-

или этот комсомольский билет?" Я удивился.

~~Оказалось~~ Оказывается Москва поправила Округ и Восстановила в Комсомоле без добавления и ~~кто~~ помощнику Комиссара ушли по Комсомолу. Предлагаю вручить мне комсомольский билет. Так, меня в Комсомоле восстановили, а через год я вновь решил вступить в Партию т.к. на нее обитаться не следовало. Попрасил у институтского комитета рекомендацию и хотя мне предупредили раньше что об истекшем не надо больше вспоминать, все рассказал своему секретарю.

Через день он позвал к себе и сказал, что в БПШ, куда он позвал, исключение подтвердили, но о моем восстановлении они ничего не знают. Так сказал тот, кто мне вручал новый комсомольский билет. Я был ошарашен.

Кем именно взял секретарь комитета и поехал в Штаб БПШ. Там, в сердцах, я как следует отбил душеньку, но восстановление было немедленно подтверждено.

Но тут новое. В институте я, по сокращению звания Гасов оказался не на полной ставке, ушел оттуда и был немедленно принят в Гасов претуда-

Семейство Азгосинверситета, на работу физподготовки. Это был 1939 год. Перешел в Габриэловский заводской район на Октябрьский. Я остался без рекомендаций в Партию и больше ее не просил. Так и поехал, по мобилизации в 1941 г. На военную службу командиром переростком.

1939-1941 гг. работало нормально. В семье появились первенец - Лева. Жили с мамой в закутке из отгороженного внутриквартирного помещения в Укв.м. Но были веселы и довольны.

Было много хороших товарищей и настоящих друзей.

Все прервала нагавшая Отечественная война.

К слову: в связи с моим неимением и демобилизации задержав прием в кандидаты КПСС - Рафы, и был неимен и командиром тогда студент ТИМАС'а - Мара. За редство со мной. С моим восстановлением и у них все приняло в порядок, а приказ об увольнении заменили пунктом: "уволен из рядов РККА по собственному ходатайству".

Естественно очень много подробностей, для

мел и важных и интересных, здесь опущено.

В эти 3 года я впервые попробовал себя как журналист и печатался во всех республиканских газетах и даже две корреспонденции были помещены в ленинские журналы; был музыкальным консультантом Азербайдж. делегации I Всесоюзного физкультурного парада ^{в Москве} (в котором участвовала среди 300 советских Кенга Пахуркова и побывавшая тогда в Кремле на банкете у Сталина), музыкально оформил 2-е заседание Уредно-спортивного фонда сменяемые Бакинское кинофабрика (теперь Азербайджан) и дирижировал малым симфоническим оркестром, готовым к открытию нового Нагорного (им. Карова) парка Киротурры и отдыха, делая судейско-спортивную карьеру и был в числе судей-руководителей даже 2-е всесоюзных соревнований и др.

Итак - Ответственные работы.

23- объявлена мобилизация, 24-рапорт и прощание в Университете, 25 июня - в Эриване по месту новой военной службы в полку войск НКВД по охране железных дорог. Назначен начальником караула полка. Везде 4 1/2 года нового, сложного периода жизни.

Полк был частью, 761 подразделение и гарнизон были расквартированы почти по всей длине Северо-Кавказского ж.д. т.е. от Ростова до Армавира, от Кавказской -

до - Сочи, Краснодар, Новороссийск. В полку, кроме батальона и рот были спецроты, взвода и бронепоезд. Не было только танков и артиллерии. Вот и приходилось большую часть времени разъезжать по разным городам, станциям и обеспечивать культурно-просветительскую работу.

Видно так сложилось что комиссар полка - Осипов и особенно командир - Митрофанов. Были страстными любителями музыки. По штатам военного времени численный состав увеличивался втрое это подталкивало командование создать, за счет прикомандированных к клубу, скакала джаз-оркестр, а затем на его базе и духовой оркестр. Так при клубе собрались, одержимые через военкоматов молодые музыканты не только Армавира, но и Ростова, Краснодара. Вскоре их стало 26.

Нашлись, кроме сакеддонгов и другие музыкальные инструменты, солисты-певцы и даже танцоры-дегетонки.

Потребовали от меня концертные программы. Тут пришли большие гости с напевов записывать мелодии и самому гармонизовать, делать оркестровки и дирижировать, искать или писать тексты канцонеток. Полагалось не только. Нашли, главным образом разъезды по крупным гарнизонам, концерты.

Давались концерты и для гражданского населения. В общем все дни были загружены до максимального предела.

В конце ноября 1941 г. немцы прорвались в Ростов н/Д и наши подразделения на юж. мосту через Дон приняли первый бой и остановили наступление. А через неделю их, уже силами подосланных соединений вывели из Ростова. Морозы в ту зиму были очень сильными. К моменту освобождения Ростова я был в числе первых подразделений вошедших в город и видел следы фашистского краткого хозяйствования.

А в июне 1942 г. немцы начали более основательное наступление на Сев. Кавказ и наши стали постепенно отступать, разрушая за собой коммуникации. Большая часть подразделений нашего полка отходила через Туапсе к Сочи и там держала оборону.

В этих новых условиях я был назначен командиром штаба полка на участке дорог от Туапсе до Сочи, где было 5 гарнизонов. Центр был на гарнизоне у большого юж. моста через реку Шахе. Там же был пост морпогранохраны.

Войну мы на себе постоянно ощущали, но в боях сами участия не принимали. Несли службу охраны коммуникации и некоторых функций контр-разведки. Штаб полка был в Сочи. В конце года Штаб дивизии переведен был в Сухуми, туда же (в Грузию, точнее Абхазию) перевелся и остаток

полков и отдельных батальонов. Их срочно доукомплектовали невыучившимися курсантами Краснодарского и 2го Тбилисского военных училищ, пограничниками и создали Спешную дивизию ВВ НКВД, получившую название "Сукриской".

Жуть я был отозван в полкотарх дивизии, стал и.о. начальника дивизионного клуба, к которому прикомандировали мой джаз. Пополнили его состав квалифицированными музыкантами-профессионалами. Нам удалось создать настоящую хорошую театрализованную программу из 2^х больших отделений, это нас окотко, за плату, брала Сукриская филармония для открытых концертов.

С началом наступления наших войск, в начале 1943, нашу дивизию двинули к фронту. Несколько раз мы были, в круговую через Тбилиси и Батум ехали к Восточу. Перед Восточом нас задержали и верну перелетели севернее. Поехали назад, через Краснодар на Тбилисскую. Там разгрузились и поехали в направлении от Алавердская и к р. Кубань. Там сменили на передовой поредевшие засти РККА и сами поехали в наступление. В ночь на 31/III-43. при исполнении обязанностей офицера связи между двумя нашими наступающими полками, в районе прикубанского канала, (в зоне хит. Свистоплясина) подорвался на противотанковый

лине и бомбы тяжело контужен. Ракетный бомб был легкий, осколочный и совсем не опасный. Однако на 3-й день пребывания в подсанбате потерял дар речи, почти ничего не видел в сумерки и плохо двигался. Потери в дивизии были очень большими. Раненных было сотни, а в том их отправляют не хотели командование. Ранки были проведены. Тогда создали батальон выздоравливающих. Контуженному капитану Владимиру предложили им командовать, а меня сделали его заместителем.

Звезда месяца наш батальон двигался за наступающими войсками. Меня отозвали в политотдел дивизии и назначили инструктором дивизионной многотиражной газеты "В бой за Родину". В редакции и типографии было всего 10 человек.

Когда в дивизии не хватило людей для маленькой стодневной полка, ее отвели в тыл - на Кавминводы и расформировали полка и батальоны и в Герасовке, Зеленокуле, Карагаевске, Волосае, Георгиевске, Гуденовске, Арзгире. И вместе Штабиров снарядов бомбы в Пятигорске, а потом - в Ставрополе занимали здания Педагогического института и его общежития.

Там расквартировались и редакции газет и вновь сформированный джаз.

В начале 1944 г. по просьбе Крайисполкома, меня командо-

важные обязанности помогать, тем более, молодой Кривой театру
Львовщины, где было много превосходных, опытных артистов,
но забавно единственный дирижер. Так я стал дирижером
театра Львовщины. Но не прошло и 3-х месяцев как
наша дивизия, дивизионная, отделившись и вы-
полнив основную ^{задачу} оперативно задачу по выселению
всей Карпатской А.О. и Камышанской АССР, направив
в наступательную армию, освобождающую Белоруссию, =

Наша дивизия, ставшая уже 10 СВ в НКВД прошла
через Слоним, Волковыск, Лиду, Барановичи и Гродно до
Белостока. Но из Белостока, как внутренние войска, по
просьбе Край. Польского правительства - вывели. Центром
дивизии стал город Гродно, а подразделения ее разме-
стились в окружающих районах и городах, везде боролся
с многочисленными бандами украинских националистов
и бандитских формирований преступников. И этим занима-
лись с конца мая 1944 года до дня Победы, который я
встретил в Гродно.

Но и этот период не прошел без происшествий.
Когда штатив и редакция ^{еще} были в г. Лиде, а скандаль был
в командировке в г. Гродно. Получил срочный приказ командира
приехать немедленно в г. Лиду вместе с командой.

Поспав за нашей машинкой ночью запоздала, и мы

кешин, по стиличной дороге, на максимальной скорости. В районе м. Скидань, на пересечении магистрали с кроссовой дорогой, нас, по задним скачкам ударил ЗИС. Авария была очень сильной. Зембера были убиты на месте, а остальные довольно тяжело ранены. Только трое, сидевшие в конце кузова крытого грузовика, отделались легкими ушибами и ссадинами. 19 человек пострадали тяжело. Зембера из них были даже не транспортными.

Меня и еще 14 человек (с ними были и Пётр Власенко) перевезли в госпиталь в г. Меду. Там я пробыл не особенно долго, хотя травмы были серьёзные ~~и~~ были кандидатом в смертники. Однако всё обошлось хорошо и через месяц я снова был в редакции, работаю без командировок.

Весной 1945. наш концертный ансамбль был взят Наркомпросом в войска НКВД Белоруссии в Минск и обвезден с ансамблем песни и пляски. А летом 1945. мне было приказано музыкально оформить большое театрализованное представление, готовящееся к Октябрьским праздникам. Без особых хлопот более 2х месяцев работал над специально написанным текстом, по заказу округа, московскими авторами. Премьера прошла с большими успехами. Но к этому времени началось

увольнение артистов в запас. Я об этом официально ходатайствовал и в середине декабря 1945г. был уволен в запас.

Осенью 1945, неизвестно от кого получив мой адрес, заведующий Ставропольского театра музыкальной, а также настоятельное приглашение, после увольнения в запас, приехать на работу в этот театр.

В декабре 1945г. я уже был в Москве, в Комитете по делам искусств, за направлением на работу. Предложения были различные, но мне они не очень нравились. Далеко от Баку, да и по условиям и характеру работы. Показал письмо из Ставрополя. Инспектор по кадрам дал этому приглашению хорошую оценку и порекомендовал по пути в Баку, заехать в Ставрополь, ознакомиться с делом на месте и дать знать о своем решении в Комитет. Если согласен — приказ о назначении будет немедленно.

Так я и сделал. Встретили меня и приняли очень радушно, и сразу выдали документы о том что я с 1/1-1946г. — директор театра и командуюсь в Баку, по делам службы, на месяц (т. е. месячный отпуск за счет театра). Так я стал

основная работа — Филармония. Но материально стало не хуже.

Неожиданно вызвали в Крайвоенкомат. Оказывались, меня искал, разыскивал и вручили орден „Красной звезды“ которым был награжден еще в 1943е.

Стало ~~еще~~ легче с продуктами — отменили карточную систему.

Однако в Филармонии сложилась конфликтная ситуация, (т.к. в то время было негласно, но повсеместное гонение на евреев, особенно в кинотеатре и оперетте). Ушел, по личному заявлению и турне был приглашен ст. преподавателем в Педагогический институт, по второй специальности — пение и музыка в средней школе. Было много и погасового нагужки (курс муз-ритмического воспитания не спорт даже, ИУУ, секции в Индье и др.)

Но с жильем было очень плохо. Как теперь уже было четверо. В 1948 году родился Валера.

Решили уехать туда где дадут жилье. Предложений было много, но выбрал (по совету Петрашского и зав. кафедрой Руденко) Минераловодское предприятие (директор Видуртов) и 15/IV-1953, на грузовом автомобиле всей семьей

Бъи свършия переез с семейнаа в квартиру отагивающа
и обеснегашую топливу, освещенная за свет уличная
с гарантированным отоплением. Не имеет ст. преподавателя
ВУЗ'а (с блестящим вузовским стажем).

Так начался предпоследний этап моей жизни.